

«Смеется» для рифмы «мятется», и без внимания оставлено мудрое горацянское: «quod adest memento / componere aequos» (III, 29, ст. 8—9) (думай о том, чтобы текущие дела организовать разумно), т. е. веди свои жизненные дела хладнокровно и мудро. Фет полагает, что речь идет об упорядочении «быта», быта, всегда от Горация далекого (кроме сатир). Вместо философской беседы получается болтовня. И дальше бытовые интонации проникают в высокую оду, не говоря уже о словесных ляпсусах: «Юпитер задвинется гневно» (это о тучах):

И что мне, коль Африк с грозой,
Коль мачта трещит от удара,
Не стану взывать я с мольбой,
Чтоб Кипра и Тира товара
Не вздумала бездна пожрать.

Гораций говорит об умении хладнокровно переносить удары судьбы и быть безразличным к потере богатства, ведь он не купец, а поэт, которого защищают боги: «Не мое дело, если под ударами Африка трещит мачта, не унижаться же мне, выторговывая у богов обетами, чтобы кипрские и тирские товары не обогатили жадное море». Фет предельно сократил текст и украсил его выразительным глаголом «пожрать».

Ладью мою будут без горя
Поллукс с близнецом охранять
В бурунах Эгейского моря.

А вот Гораций:

Tunc me biremis praesidio scaphae
tutum per Aegeos tumultum
aura feret gemi namque Pollux.
Его, поэта, в бурю защитят близнецы Кастор и Поллукс,
И в двухвесельной ладье под их защитой
Ветер понесет его безопасно по бурному Эгейскому морю.

Фет вставил «без горя» для рифмы «море», изъята двухвесельная ладья, снято все впечатление божественного чуда.

Посмотрим теперь, как перелагает Фет знаменитую оду на любовную тему, обращенную к Пирре (I, 5) («страстный Гораций»!).

Пирра с возлюбленным встретила в пещере, и поэт обращается к ней: «Какой изящный юноша обнимает тебя, окруженный розами и надушенный благовонными маслами, Пирра, в уютном гроте для кого ты подвязываешь, закинув за спину, светлые волосы». Пирра хочет казаться элегантно-скромной, просто, без кокетства, причесанной. А у Фета:

Кто этот красавец, скажи мне, о Пирра!
Что в гроте прохладном, на ложе из роз,
Облит благовоньем, тобою пылает —
А ты распускаешь небрежно пред ним
Златистую косу?

У Фета появляется «красавец», «ложе из роз», «златистая коса» (кос римлянки не носили). У Горация: «Сколько раз, увы, он будет оплакивать изменчивую верность богов. И будет удивляться поднятым черными ветрами валам, к ним непривычный». Фет выбрасывает несколько важных деталей: непривычному к волнам юноше кажется, что Пирра всегда будет ему верна, и Фет пользуется привычными русскими определениями: «будешь мила, любезна, свободна». Он не понял горацянское: «несчастный, перед кем блистаешь нетронутая», т. е., с юмором глядя на свой собственный роман с Пиррой, Гораций вместе с тем и жалеет о прошедшем (*miseri, quibus intemptata nites*).

В переводах Фета исчезают тончайшие оттенки горацянских од, они огрубляются, примитивируются и «осовремениваются» (в угоду учащимся юношам?). Кончается ода к Пирре так: «...обо мне сообщает священная стена с вотивной табличкой, что я